

Е.В. КЛИШОВА, к.э.н., доцент,
Донецкий национальный университет

КОРРУПЦИЯ КАК ЧАСТНЫЙ СЛУЧАЙ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ВЛАСТИ (С ПОЗИЦИЙ ТЕОРИИ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ РАЦИОНАЛЬНОСТИ)

Важнейшим направлением экономических исследований в условиях становления новой парадигмы экономической теории является формирование концептуального каркаса теории экономической рациональности. Структурно-функциональный анализ экономической рациональности предполагает уяснение не только функционального её аспекта – человеческого поведения, закономерности которого не могут быть познаны без анализа сущности и структуры рациональности. Индивидуальная рациональность (исходный уровень рациональности) трактуется как система критериев формирования иерархии предпочтений индивида, детерминирующих его экономическое поведение. По мере агрегирования (укрупнения и последующей унификации критериев упорядочения предпочтений различных индивидов) происходит восхождение к общественной рациональности, чем создаётся основа для строительства институциональной опорной конструкции экономической системы. Формирование различных форм экономической рациональности происходит под воздействием институциональной среды, пронизанной отношениями экономической власти, что обуславливает необходимость рассмотрения этой категории для полноценного исследования экономической рациональности.

Целью статьи является структурно – функциональный анализ экономической власти и коррупции как частного случая экономической власти, осуществляемый с позиций и в контексте теории экономической рациональности.

Генезис экономической власти жёстко сопрягается с генезисом собственности и накопления, составляя предпосылку и условие максимизации индивидуальной полезности. Изначальное неравенство экономических условий, в которых находятся индивиды, порождает асимметрию экономических отношений, в процессе которых становится возможным осуществление последовательного табуирования экономического поведения индивидов. Степень жёсткости таких регламентаций пропорциональна объёму и степени значимости ограниченных ресурсов, контролируемых индивидом. Экономическая власть является, таким образом, средством и условием социализации субъекта в обществе,

создавая дополнительные резервы для выживания в ходе естественного отбора. При этом степень жёсткости санкций, которые способен обеспечить субъект за нарушение установленных им табу, адекватна степени возможной максимизации индивидуальной рациональности субъекта.

Власть институционализируется посредством совокупности норм, более или менее жёстко ограничивающих выбор индивида, следствием чего становится возникновение противоречия между структурой и функцией: резкого диссонанса между имманентной индивидуальной системой критериев предпочтений и вынужденным экономическим поведением. Именно здесь кроется причина психологического и экономического дискомфорта индивида, имеющего следствием формирование отчуждения индивида от общественного производства, от окружающей действительности. Экономически непосредственным следствием является вынужденная минимизация индивидуальной полезности зависимого субъекта (субъектов) в той мере, в которой максимизируется индивидуальная полезность субъекта (субъектов), получившего по тем или иным причинам возможность регламентаций экономического поведения зависимых субъектов. Психологическим следствием становится постепенная дестабилизация системы критериев предпочтений зависимого субъекта (субъектов), нарушение равновесия системы индивидуальной рациональности и сбой в её функционировании, отторжение субъекта от экономической реальности, что не может не сказаться на результатах его деятельности. Как подчеркивал С. Бир, «критерием хорошей работы (системы – Е.К.) является критерий, основанный на внутренней стабильности» [1, с.33]. Таким образом, категория отчуждения, являющаяся одной из ключевых категорий марксизма, получает иную интерпретацию в контексте теории экономической рациональности.

Содержание власти как экономической категории составляет, как видим, асимметрия экономических отношений, объективно присутствующая любому обществу. Статус субъектов закреплён совокупностью норм, прежде всего

© Е.В. Клишова, 2007

формальных, поддерживаемых мощью государства. Поэтому государство является неизменным участником всех властных отношений, даже тогда, когда не выступает непосредственно заинтересованным лицом. Отношения власти пронизывают всю экономическую жизнь постольку, поскольку идеальная симметрия экономических отношений есть лишь теоретическая абстракция, реальная не более, чем представление о равном распределении экономических ресурсов в обществе с нулевым уровнем транзакций. В этом смысле совершенно справедливым представляется определение экономики как системы власти, даваемое В. Дементьевым [2]. Положительные значения транзакционных издержек неизбежны уже в силу необходимости правовой фиксации перераспределения властных правомочий между субъектами экономической власти.

С позиций структурно-функционального анализа экономическая власть представляется взаимодействующим единством структуры и обусловливаемых ею адекватных функциональных проявлений. Следствием возможных изменений последних могут, в свою очередь, стать модификации в иерархии соподчинённых элементов структуры власти. Отношения экономической власти структурируются посредством выделения: субъекта власти, максимизирующего набор субъектных предпочтений; носителя власти, концентрирующего властные правомочия с целью максимизации индивидуальной полезности субъекта власти; средств институционализации власти – совокупности формальных и неформальных норм, институтов. В качестве объекта власти выделяются как экономическое поведение субъектов, так и индивидуальная рациональность последних. Таким образом, элементы структуры властных отношений выступают элементами институциональной среды, что обуславливает органичный характер властных отношений в любой социально – экономической системе.

В зависимости от характера объекта власти различаются два её типа. Под навязанной властью мы понимаем вынужденное изменение экономического поведения субъекта, которое стало объектом власти, под влиянием определённых действий (либо угрозы неких санкций) со стороны субъекта (либо носителя власти). В данном контексте субъект либо носитель власти зависим (и порой весьма ощутимо) в том отношении, что для реализации навязанной власти вынужден нести определённые транзакционные затраты по принуждению индивида к соблюдению определённых табу и контролю за

его поведением. Чем больше число объектов навязанной власти, тем более значимой является величина соответствующих транзакционных затрат.

По истечении определённого периода в силу обратного воздействия функции на структуру могут произойти адекватные сдвиги в системе критериев предпочтений индивидов, экономическое поведение которых стало объектом власти. Навязанный алгоритм экономического поведения становится привычным и единственно приемлемым, индивидуальная рациональность адаптируется к смещению функционального аспекта. С того момента, когда индивидуальная рациональность трансформируется соответствующим образом, навязанная власть перестаёт быть таковой, приобретая статус подлинной власти.

Критерием подлинности власти является, таким образом, степень соответствия индивидуальной рациональности подвластных субъектов потребностям субъектов экономической власти. В случае существования достаточной степени такого соответствия субъект власти избавлен от издержек принуждения, но по мере трансформации характера объекта власти расширяется объём издержек по формированию требуемой структуры индивидуальной рациональности подвластных субъектов. Так, мощная пропагандистская машина Советского Союза была нацелена на формирование жёсткой унификации критериев предпочтений всех слоёв населения, что не исключало, разумеется, существования издержек принуждения. И если по отношению к узникам ГУЛАГа имели место значительные издержки принуждения, то по отношению к следующему поколению преобладали уже издержки формирования, что впоследствии по мере внедрения в сознание субъектов устойчивых стереотипов предпочтений и единых критериев их отбора могло обеспечить существенную экономию издержек субъекта власти. Характеризуя тоталитарную государственную власть, А. Панарин замечает: «Ей мало контролировать поведение – она желает контролировать помыслы граждан, требуя от них безусловной, экзальтированной веры» [3, с.120].

Таким образом, подлинная власть основана на манипулировании критериями предпочтений индивидов, а в силу системного характера критериев – внесением адекватных изменений в их взаимозависимую соподчинённость. Как следствие, выстраивается уже другая система критериев предпочтений, отвечающая потребностям субъекта власти, закрепляемая

впоследствии в генетической памяти поколений. С течением времени и по мере такого закрепления уменьшается зависимость субъекта власти, связанная с необходимостью несения издержек формирования, которые, хотя и присутствуют всегда во властных отношениях, но становятся менее обременительными для субъекта власти.

Функциональный аспект экономической власти – механизм власти представлен совокупностью методов, способов и приёмов реализации формальных и неформальных норм (общих и локализованных), формальных и неформальных институциональных образований и схем, посредством которых осуществляется воздействие на объект власти. В случае тождественности последнего индивидуальной рациональности (подлинная власть) перед субъектом (носителем) власти стоит задача получения запрограммированной реакции объекта на внешние раздражители. «При устойчивой входной переменной функция преобразования даёт устойчивую выходную переменную, которая точно соответствует желаемой», – отмечает С. Бир. [1, с.40]. Однако изменение входной переменной «может усиливать колебания в системе и дать сильное раскачивание, опасное для следующей системы, выходная величина данной системы для которой является её входной величиной» [там же]. Опасность весьма существенная для субъекта власти в силу постоянной взаимосвязи и взаимодействия всех хозяйствующих индивидов, рациональность которых явилась объектом экономической власти. Отклонение выходной переменной – поведения одного из индивидов от заданного алгоритма, отвечающего потребностям субъекта власти, может повлечь за собой аналогичную реакцию других индивидов и последующее разбалансирование всей властной вертикали. Во избежание подобной ситуации «в цепи обратной связи должна быть обеспечена своя собственная функция преобразования, которая должна быть умно реализована, чтобы скорее подавлять, чем усиливать флуктуации на входе» [там же]. Таким образом, важнейшим качеством системы индивидуальной рациональности как объекта власти является её устойчивость к внешним раздражителям, нежелательным для субъекта власти. Именно поэтому система индивидуальной рациональности (т.е. структура, а не функция) оказывается предпочтительнее в качестве объекта власти для её субъекта. Дело не только в экономии издержек принуждения, хотя и этот момент немаловажен. Главное преимущество составляет возможность программирования

системы индивидуальной рациональности на конечный результат, на приоритет обратной связи, когда система не продуцирует реакцию, адекватную внешним раздражителям, а, напротив, пытается их подавить, подчинить флуктуации окружающей среды той реакции, на продуцирование которой она изначально и неизменно нацелена. Поведение индивида следует заданному алгоритму независимо от состояния и динамики окружающей среды настолько устойчиво, насколько стабильным остаётся состояние индивидуальной рациональности, т.е. насколько успешно удаётся субъекту власти мобилизовать доступный ему механизм власти для поддержания этой стабильности. Так, хозяйственное поведение многих жителей постсоветских республик даже многие годы спустя после распада Советского Союза демонстрировало высокую степень инерционности, сформированной в годы существования Союза, соответственно структуре индивидуальной рациональности.

Важнейшим субъектом экономической власти является государство, приоритетная роль которого обусловлена его ключевым положением в системе асимметричных экономических отношений. Экономические решения принимаются в ходе конкуренции между различными принципами (организованными группами экономических интересов), включёнными посредством правовых процедур в регулирование контрактов и институтов. Механизмом, с помощью которого лидирующая группа (клан, партия) реализует своё господствующее положение, является захват бюрократии. Происходит соединение государства только с одной частью общества, что разрушает доверие к действиям государственных структур, ассоциируемых лишь с интересами конкретной группы, и исключает возможность необходимого компромисса на макроуровне. «Наши законы нестабильны и непредсказуемы, – комментирует правовые последствия сходной ситуации Э. де Сото, – ибо зависят от того, кто выиграл перераспределительную войну» [4, с.245-247]. Власть государства выступает в качестве навязанной власти с более или менее жесткой системой санкций за отклонения поведения индивида от диктуемого стереотипа. Трансформация навязанной власти в подлинную происходит в течение длительного времени и сопряжена с весьма высоким уровнем транзакционных издержек, что существенно снижает эффективность функционирования национальной экономики.

Процесс формирования общественной

рациональности, инициируемый и форсируемый государством, получает адекватную экономическую основу в случае внятной и сильной социальной политики, подкрепляемой превращением части дохода от функционирования государственной собственности в частную собственность индивидов посредством перевода части дохода, получаемого государством от, например, эксплуатации природных ресурсов страны, находящихся в государственной собственности, на частные счета граждан. В этом случае создаются предпосылки для постепенной трансформации государственной собственности с присущей ей коммунитарной структурой в общественную собственность. Другим условием целенаправленного формирования государством общественной рациональности является создание идеологического основания, базы для унификации критериев предпочтений индивидов, что предполагает проработку структуры и механизма функционирования соответствующей системы норм, способных задействовать механизм обратного воздействия функции на структуру. Отсутствие единой государственнической идеологии приводит к потере ориентации обществом, к разрушению ценностной матрицы национального сознания. Становится невозможным формирование общественной рациональности, ибо только идеология как совокупность устойчивых мировоззренческих установок может стать основой того эталона индивидуальной рациональности, который отвечает потребностям государства. Разрушение совокупности основных ориентаций, вычленение иных приоритетов и «вработывание» их в сознание членов общества посредством информационных войн и приёмов «фиктивной репрезентативности» ведёт к дестабилизации экономической ситуации в стране, поскольку блокирует формирование общественной рациональности. Единая идеология – обязательное условие и основа выстраивания единой системы критериев предпочтений, а механизмом такого выстраивания выступает совокупность институтов, инициируемых и поддерживаемых государством. Целью этих действий является трансформация навязанной власти государства в подлинную власть. Государство более, чем любой из субъектов власти, способно к формированию совокупности институтов, обладающих целенаправленным системным воздействием. Как подчёркивает Д. Норт, «наибольшие изменения официальной институциональной основы настанут тогда, когда в них заинтересована сторона, которая с достаточной силой способна отстаивать свои интересы» [5,

с.91]. Однако возможность трансформации объекта власти будет поставлена под сомнение в случае высокой степени несоответствия артикулируемой системы идеологических ценностей и предлагаемых государством институтов тому менталитету граждан и имманентной совокупности неформальных норм, которые существуют в данный момент. Крайняя степень такого несоответствия не только блокирует процесс восхождения к общественной рациональности, но может привести к утрате легитимности государственной власти. С точки зрения интересов формирования общественной рациональности особая роль среди государственных институтов принадлежит парламенту, где непосредственно происходит институционализация и получение правовой легитимности баланса экономических интересов различных групп и кланов. Посредством парламентских процедур достигается общественный консенсус, выступающий основой для разработки учреждениями исполнительной ветви власти совокупности норм и институтов, системное воздействие которых направлено на постепенное восхождение к общественной рациональности.

Достигнутая степень общественной рациональности определяет форму государственного устройства: унитарная форма эффективна только там и тогда, когда при снижении уровня транзакционных затрат, связанных с функционированием государственных учреждений, происходит синхронизированное возрастание качества институтов и количества индивидов, ориентирующихся на качественные институты в своём экономическом поведении. В противном случае оправдано смещение центров управления и контроля на региональный (федеральный) уровень, что позволит легче адаптировать менталитет индивидов к более качественным экономическим институтам, форма которых должна варьироваться в зависимости от ментальной специфики региона. В условиях информационной асимметрии возникает ротация институтов, предельная отдача которых убывает по мере их активизации, т. е., происходит ухудшающий отбор, что, в свою очередь, приводит в действие мультипликатор рациональности, движение которого в обратном направлении провоцирует снижение уровня общественной рациональности и темпов экономического роста.

Описываемая ситуация характеризуется расширением сферы существования и активизацией института коррупции, под которым мы понимаем частный случай проявления экономической власти, когда объективно существ-

вующая асимметрия экономических отношений используется субъектом экономической власти для максимизации имманентных предпочтений. Следствием эскалации коррупционных отношений становится не сближение систем критериев предпочтений индивидов, а, напротив, всё более резкий их диссонанс: субъекты власти стремятся к сохранению норм, дающих возможность поддержания властных отношений, но те индивиды, экономическое поведение которых явилось объектом экономической власти, исходят из необходимости их изменения.

Одно из опасных последствий коррупции состоит, в частности, в возможной реализации обратного воздействия функции на структуру: модифицированное в течение длительного времени поведение способствует появлению соответствующих привычек подкупа чиновников, политиков, государственных деятелей и др. С течением времени в систему критериев предпочтений субъектов встраивается неизбежность подкупа как неотъемлемое и привычное условие максимизации индивидуальной рациональности в асимметричных экономических отношениях. Коррупционная навязанная власть трансформируется во власть подлинную. Однако содержание феномена коррупции нельзя сводить к экономическому поведению, которое может быть «честным» или «нечестным» в зависимости от личностных особенностей индивида. Проекция принципов структурно – функционального анализа на исследование коррупции позволяет характеризовать как структуру коррупции, так и её функциональный аспект.

Структура коррупции идентична структуре экономической власти: логически и эмпирически обнаруживается присутствие субъекта и носителя коррупционной власти (фигуры которых могут совмещаться), использующих совокупность формальных и – чаще – неформальных норм для воздействия на объект власти. Сращивание субъектов власти с государственным аппаратом составляет главную особенность коррупции в отличие от других проявлений экономической власти. Отсюда, в свою очередь, производна особенность структуры коррупционных отношений, имеющих пирамидальный, «многоэтажный» характер. Пирамида коррупции воспроизводит нисходящую бюрократическую вертикаль, по которой и передаётся эстафета экономической власти. В этой ситуации подлинные субъекты власти располагаются на вершине пирамиды, а каждый из нижестоящих является одновременно как носителем власти, способствуя максимизации индивиду-

альных предпочтений субъектов, находящихся выше на иерархической лестнице; так и субъектом власти, который максимизирует уже собственные предпочтения, осуществляя навязанную власть по отношению к нижестоящим субъектам. Именно это обуславливает неизбежность снижения уровня общественной рациональности: каждый из субъектов и носителей власти полагает необходимым рационализацию норм, в соответствии с которыми их экономическое поведение становится объектом власти, но заинтересован в сохранении норм, позволяющих осуществлять экономическую власть по отношению к субъектам, стоящим ниже на иерархической лестнице.

Отношения экономической власти материализуются для субъектов коррупционной власти в форме административной экономической ренты, важнейшим инструментом получения которой (независимо от идентификации объекта власти) становится дефектная, неполноценная формальная норма либо институт. Наиболее характерным дефектом, потенциально обуславливающим фатальное углубление асимметрии экономических отношений, а, следовательно, существования коррупции как случая экономической власти, является незавершённость структурного строения института (нормы). Это проявляется в отсутствии чёткой спецификации целевого назначения, механизма реализации, механизмов контроля этой реализации, соответствующих санкций за нарушение нормы. Положение может усугубиться безадресностью нормы (института) (неопределённостью ареала действия, условий ввода в действие отдельной нормы, либо совокупности норм). А поскольку механизм действия соподчинённых формальных норм взаимосвязан и взаимозависим, постольку неполноценность одной из них уже создаёт основания для возникновения ситуации, которую В. Полтерович называет институциональной ловушкой [6, с.4], а А. Гриценко – институциональными разрывами, пустотами, обвалами и прочими институциональными деформами [7, с.61-62]. Разрешение возникшего институционального противоречия происходит посредством стихийного «доставания» структуры дефектного формального института (либо формальной нормы в составе института) необходимой для его полноценной жизнедеятельности неформальной нормой, несущей, как и другие неформальные нормы, отпечаток национального менталитета. Чиновник, к примеру, должен совершить некое действие по установленному алгоритму в закреплённый нормативом срок, в противном

случае может стать объектом определённых карательных санкций. Отсутствие или недостаточная спецификация элементов структуры позволяет чиновнику отклоняться от алгоритма совершения действия, затягивать срок его исполнения и др., словом, препятствовать максимизации индивидуальных предпочтений одного или множества субъектов, не нарушая при этом никаких формальных нормативов. Агенты, чье экономическое поведение оказалось объектом экономической власти, вынуждены изменять его соответственно максимизации предпочтений субъекта власти. Материально это выражается в извлечении субъектом власти административной экономической ренты в результате «добраивания» некачественного формального института неформальной нормой подкупа чиновника, величина и формы существования которого в каждый данный момент определяются общественным менталитетом (как, например, вездесущий «блат» – взаимный обмен услугами во времена Союза). Формальный институт жизнеспособен и устойчив, таким образом, только при условии дополнения его неформальной нормой, выступающей субститутотом отсутствующих формальных аналогов и реализующей по отношению к ним эффект замещения. Возникает своеобразное общественное равновесие, в процессе которого происходит модификация объекта власти: власть навязанная превращается во власть подлинную. Любые попытки государства произвести замену утвердившейся неформальной нормы подкупа чиновников недостаточными элементами формального института воспринимаются хозяйствующими индивидами с недоумением и недоверием: подкуп вошёл в перечень критериев предпочтений индивидов и стал общепризнанным условием максимизации их предпочтений. Привычка выступает, по выражению Ходжсона, в роли строительного материала для институтов, придающего им «повышенную устойчивость, силу и нормативную власть» [8, с.17].

Описанное проявление коррупционной власти определялось законодательством Российской империи в начале XX века как «мздоимство» (подкуп чиновника за совершение законного действия) в отличие от «лихоимства» (подкуп за совершенствование противозаконного действия). Высшей степенью лихоимства считалось «вымогательство – принудительное получение незаконной прибыли под угрозой притеснения» [9, с.762-763]. Дифференциация коррупционной власти осуществлялась, мы полагаем, в зависимости от содержания объекта власти: если объектом власти мздоимца являет-

ся индивидуальная рациональность множества индивидов, для которых подкуп чиновников стал привычным условием максимизации индивидуальной полезности, то вымогательство представляет случай навязанной власти, сопряжённой с вынужденным искажением привычного экономического поведения индивидов. Интересно, что с 1866 года карательные санкции предусматривались только в отношении «лиходателей, изблещённых в склонении чиновников похитить, скрыть, или в чём-либо изменить бумагу, принадлежащую к делу» [там же]. Условием постепенного снижения степени коррупционной власти является «добраивание» дефектной структуры института недостаточными элементами, либо, в случае превышения издержек трансформации, связанных с этими процессами, прогнозируемого полезного эффекта, замена неэффективного института на более адекватный аналог. Так, существуют различные варианты дополнения структуры института НДС введением акциза на посреднические операции или введением специальных НДС-счетов, которые открываются параллельно к расчётным счетам предприятий. Одновременно обосновывается трактовка НДС как системной угрозы национальной безопасности (провоцирующего, добавим, критическое снижение уровня общественной рациональности), устранение которой будет способствовать сокращению числа институциональных ловушек и снижению степени коррупционной власти в экономике Украины. Это, разумеется, только один из примеров, демонстрирующих необходимость коррекции структуры институтов как условия возрастания общественной рациональности.

Литература.

1. Бир С.Мозг фирмы. – М., Радио и связь, 1993.
2. Дементьев В.В. Экономика как система власти. – МОНУ, ДНТУ. – Донецк, «Каштан», 2003.
3. Панарин А. Испытание глобализмом. – М., Эксмо-Пресс, 2002.
4. Де Сото Э.Иной путь. Невидимая революция в третьем мире. – М., Catallaxy, 1995.
5. Норт Д.Институты, институциональные изменения и функционирование экономики.- М.,Начала,1997.
- 6.Полтерович В.Институциональные ловушки и экономические реформы.// Экономика и математические методы,1999, т.35, №2.
- 7.Гриценко А. Институциональная архитек-

тоника: объект, теория и методология. – Сб. «Постсоветский институционализм». – Донецк, «Каштан», 2005.

8. Ходжсон Дж. Скрытые механизмы убеждения: институты и индивиды в экономической теории. – Экономический вестник РГУ, 2003, т.1., №4.

9. Большая энциклопедия под ред. Южакова С.Н. – СПб, Книгоиздательское товарищество «Просвещение», 1909, т.4.

Статья поступила в редакцию 03.01.2007

С.А. ГРИЦЕНКО,

Харьковский национальный университет им. В.Н. Каразина

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ПРЕСТУПЛЕНИЯ КАК ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫЕ ДЕВИАЦИИ

Экономическая преступность как объективное явление изучается целым рядом наук, таких как криминология, психология, социология. Однако общепринятого социологического или криминологического понятия «экономическая преступность» в настоящее время не выработано, несмотря на его широкое использование в научном обороте. Понимание экономической преступности крайне неопределенно. Это, безусловно, ограничивает возможности ее исследования и унификации законодательства по борьбе с данным явлением. Это связано, с одной стороны, со сложностью самого явления, динамичным изменением криминальной практики в экономической сфере, значительными национальными различиями, а с другой – с многообразием исследовательских подходов, обусловленных различными методологиями.

Экономическая наука специально не занимается исследованием сущности и форм экономической преступности. Это вполне объяснимо с точки зрения классической теории, которая изучает деятельность людей, определяемой объективными закономерностями. По идее А. Маршалла любой объективный общественный закон выражает «обобщение общественных тенденций, т.е. обобщение, гласящее, что от членов какой-либо социальной группы при определенных условиях можно ожидать определенного образа действий, т.е. закономерное развитие должно быть спроецировано на нормальное поведение людей» [5, с. 90]. Но в современной экономической жизни поведение субъектов осуществляется с разной степенью отклонений. Некоторые из этих отклонений в поведении находятся в пределах допустимых правил, ведь «ненормальность имманентна экономике» [10, с.154], точно также как и другим сферам общественной жизни. Но есть такие «ненормальные» виды поведения, которые приводят к нерациональному и неэффективному распределению ресурсов. Наличие аномаль-

ных и патологических состояний в экономике должно стать объектом специального анализа. Возникает вопрос – методология какой экономической теории в большей степени подготовлена к исследованиям аномалий в поведении людей? По нашему мнению, категориальный аппарат институционализма в полной мере подходит к исследованию аномалий и патологий в экономической жизни. Согласно институционализму реальная жизнь людей происходит в рамках определенного порядка, который обеспечивают институты разного рода – традиции, обычаи, нравы, правила, нормы, разрабатываемые отдельными социальными группами (семьей, коллективом, фирмой, кооперациями, государством и др.). Институциональная теория рассматривает институты как «совокупность созданных людьми правил и норм, выступающих как ограничения для экономических агентов, а также как соответствующие механизмы защиты и контроля за их соблюдением» [12, с.67]. В самой постановке вопроса о природе и роле институтов заложена идея об отклонениях от общепризнанных правил поведения. Если появляется норма, то это означает, что существуют отклонение от нее. В противном случае потребность в норме вообще бы отпала. Любые правила выступают способами ограничения поведения, которые должны быть признаны большинством людей с тем, чтобы сохранился общественный порядок. В этом плане нарушения (отход, отклонения) норм может привести к ухудшению или разрушению экономической среды. Именно поэтому отклоняющееся поведение становится особым объектом контроля и наблюдения. В связи с этим институциональная теория не может не заниматься девиациями, т.е. такими отклонениями, которые нарушают, деформируют и разрушают общепризнанный порядок. В этом плане экономическую

© С.А. Гриценко, 2007